УДК 82.09
DOI

Сулейманова Марьям Саидовна,
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова», г. Махачкала

ФЕНОМЕН ДВОЙНОГО КОДА: ЛЮБОВЬ И СУДЬБА В ЛИРИКЕ ТАЖУДИНА ЧАНКАИЗ БАТЛАИЧА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ Я. КОЗЛОВСКОГО)

Аннотация. В статье рассматривается творчество аварского поэта второй половины XIX века Тажутдина (Чанка) как феномен переходного периода от бесписьменной фольклорной традиции к индивидуальной авторской лирике на Северном Кавказе. На материале двух стихотворений («Имя твоё» и «Когда б за стройность награждал невест…») в переводе Я. Козловского анализируется механизм взаимодействия арабской риторической школы (бади), суфийской практики зикра и аварского фольклорного параллелизма. Автор статьи выявляет у Чанка особый тип поэтики «двойного кодирования», где возвышенное соседствует с телесным, а условная восточная метафора – с документальным исповедальным высказыванием. Автор статьи приходит к выводу, что новаторство Чанка, позволяющее считать его подлинным «учителем» Махмуда из Кахабросо, заключается в создании лирического противостояния религиозно-духовным с абсолютно земным.

Ключевые слова: Тажудин (Чанка), аварская поэзия, двойное кодирование, суфизм, зикр, касыда, фольклорная традиция, мотив исповедальности, Я. Козловский, поэтика перевода.

Тажудин, известный под литературным псевдонимом Чанка (1866–1909), входит в число поэтов-основоположников письменной аварской словесности. Ключевая тема поэтического наследия Чанка – призыв к внутренней свободе человека, преодоление косных патриархально-религиозных установок, сковывающих личную волю. Особое место в его творчестве занимает отстаивание права женщины на сердечную привязанность и личное счастье. Любовная и сатирическая линии в его лирике получили наиболее яркое выражение.

Мать поэта, Хатун, считалась в Аварии искусной исполнительницей обрядовых плачей. Брат и сестра Тажутдина также славились как талантливые чтецы стихов. Воспитанный дедом, Чанка постигал арабскую науку в Унцукуле, Ирганае, Ашильта и Чиркее. Судьбоносной для его лирики стала встреча в селении Кох с юной красавицей Гулишат. Послание к ней он впервые подписал псевдонимом «Чанка» – так в Дагестане именовали ребенка, рожденного от неравного союза знатного горца и крепостной. Сама любовь Тажутдина (небогатого грамотея) к дочери зажиточного всадника Шагидава также была социально неравной.

Жизненный путь Тажудина оказался недолгим. Со временем в его настроениях усилились религиозные мотивы, и он постепенно отходил от мирских забот. Финальный период биографии отмечен эмиграцией в Османскую империю; скончался Тажудин в 1909 году во время паломничества в Мекку.

Стихи Тажутдина, проникнутые фольклорной стихией, быстро обрели народное признание. Когда он уже был известным горным певцом, в Батлаич пришел молодой Махмуд из Кахабросо, впоследствии знаменитый аварский поэт, и стал его учеником. В историю литературы Чанка нередко входит под определением «учитель Махмуда». Именно в такой трактовке предстает перед нами литературный портрет поэта, составленный О.-Г. Шахтамановым в произведении «МугIалим» («Учитель») [5, с. 306–414]. К сожалению, малоизученным остаётся в современном отечественном литературоведении образ Тажутдина (Чанка), нашедший художественное воплощение в творчестве многих дагестанских поэтов и писателей. Однако уже предпринимаются первые попытки, среди которых следует особо отметить анализ образа Чанка в творчестве известного современного писателя-новатора Газимагомеда Галбацова [2].

Песни Тажутдина (Чанка) долго бытовали в устной форме. Систематический сбор, запись и публикация его произведений состоялись только после Октябрьской революции 19I7 года. В 1960 году увидел свет русский перевод поэтического сборника «Стихотворения» (переводчик – Я. Козловский). Творческая манера дагестанского поэта-алима обнаруживает тесную связь с устной поэзией горцев, а в элегических жанрах – влияние, арабской классической касыды [3].

Творчество Тажутдина (Чанка) традиционно рассматривается как мост между бесписьменной фольклорной стихией и новоевропейской индивидуальной лирикой, формирующейся на Северном Кавказе. Однако до сих пор мало изучен вопрос о том, как в его поэзии взаимодействуют суфийско-арабские топики и горский бытовой реализм. Настоящая статья предлагает анализ двух стихотворений Тажутдина (Чанка) («Имя твоё» и «Когда б за стройность награждал невест…») в переводе Я. Козловского, вошедших в «Антологию кавказской поэзии» [1, с. 2022], в аспекте поэтики «двойного кодирования»: возвышенного и телесного, условного и документального. Особенно ярко это проявляется в стихотворениях «Гулишатиде» («Гулишат») [4, с. 114–117], «ГьаракIунисей» («Жительница Гаракуни» [4, с. 118–120], «ТIаде магIарухъ яхине анищ!» («Взойти бы на вершины гор!») [4, с. 120–123] и др. Мы считаем важной проблему адекватности перевода художественного текста, особенно поэтического, однако в данной статье ограничимся анализом лирики аварского поэта в переводе на русский язык.

В стихотворении Чанка «Имя твоё» мы наблюдаем неоплатонические мотивы. В оригинале оно написано в жанре «мадх» – восхваления, перетекающего в любовное заклинание, и строится на архаическом представлении об имени как о физической субстанции. Первая строфа вводит классическую для восточной поэзии метафору: упоминание имени возлюбленной вызывает физиологический отклик – учащение сердцебиения. Козловский передает это через инверсию:

> Вздрогнет сердце моё
> И невольно ускорит свой бег [1, с. 31].

Однако радикальный сдвиг происходит во второй строфе, где Чанка нарушает канон «строгой любовной касыды» - удаленность, недосягаемость возлюбленной. У него имя «растекается» по телу:

> По всему моему
> Небезгрешному телу давно
> Растеклось твоё имя [1, с. 31].

Следует обратить внимание на важность эпитета «небезгрешное»: тем самым поэт вводит мотив исповедальности, не свойственный арабской классике, но характерный для дагестанской

народной песни – кечI. Имя здесь не знак, а эманация, почти суфийская божественная субстанция («кто познал имя, познал сущность»).

Финальная строфа разрушает бытовой топос чаепития: чай с сахаром становится ненужным, потому что «твое имя Чакар» (от тюрко-дагестанского «чакар» - сахар, возлюбленная). Козловский сохраняет эту игру: переводческое решение «Когда твое имя Чакар» позволяет русскому читателю услышать двойной код – имя как сладость и имя как возлюбленная. Чанка использует суфийскую практику «зикра», повторения имени и восхваления Всевышнего и пророка Мухаммада (с.а.с.), превращая её в лирическую технику интимного присутствия.

Второе исследованное нами стихотворение Чанка «Когда б за стройность награждал невест…» представляет собой уникальный для аварской поэзии жанр - сатирическую гиперболу, направленную не на осмеяние врага, а на возвеличивание возлюбленной через абсурдные государственные условности.

Композиционно Чанка использует анафорический параллелизм («Когда бы…»), характерный для народных причитаний, но наполняет его бюрократической лексикой: «крест», «чины», «погоны», «пенсия», «отставка». Возлюбленная сравнивается с храбрым воином («как самый храбрый в русском гарнизоне») и кавказским военачальником («сардаром на Кавказе»):

Когда б красою плеч определять
Царь степень чина повелел в указе
И стал в горах погоны нашивать,
Была бы ты сардаром на Кавказе [1, с. 32].

Поэт использует сознательный гротеск, утверждая, что её красота превосходит все имперские системы наград. Особого внимания заслуживает четвертая строфа стихотворения о каллиграфе:

Прославился искусством каллиграф,
Бела его сирийская бумага,
Но ощутил, портрет твой описав,
Несовершенство слов людских, бедняга [4, с. 32].

Здесь Чанка обращается к популярному приему восточной поэзии (неописуемость красоты), но переворачивает его с точностью до наоборот: не женщина выше слов, а слова человеческие несовершенны по своей природе. Это редкий для дагестанского стиха XIX века метапоэтический жест – сомнение в возможностях самого арабографического письма, которое поэт-арабист, безусловно, знал в совершенстве.

Финальные строки стихотворения содержат радикальный поворот к трагическому реализму:

Кто не горел в отчаянном огне,
Пусть за любовь не судит нас сурово.
Что ты мертва — услышать легче мне,
Чем знать, что ты в объятиях другого [1, с. 32].

Перевод Козловского точно передает логику состояния аффекта: смерть оказывается меньшим злом, чем религиозно разрешенная брачная близость сиин другим. Это высказывание можно рассматривать как протест против патриархальных норм, где женщина становится объектом обмена. Чанка, сам называвший себя «ребенком неравной любви», утверждает право на субъектность ревности и страдания.

Таким образом, стихотворения Тажутдина (Чанка) «Имя твоё» и «Когда б за стройность награждал невест…» в переводе Козловского, при всей их поэтической свободе, подчеркивают и отражают главную инновацию дагестанского поэта: синтез арабской риторической школы (бади), аварского фольклорного параллелизма и экзистенциальной исповедальности. В стихах Чанка любовь – не иллюстрация к канону, а поле битвы между телесным и духовно-религиозным, между именем-магией и именем-проклятием незаконнорожденности. Такое парадоксальное сочетание несочетаемого ставит талант поэта над многими его современниками и позволяет считать его подлинным «учителем» великого Махмуда из Кахаб-росо. Оба поэта заложили основу новой аварской поэзии XX века.

Литература

1. Аварская поэзия // Антология кавказской поэзии. – Пятигорск, 2022. – 2027 с.

2. *Сулейманова М. С.* Эпистолярный жанр в творчестве Г. Галбацова: автор и адресат // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Филология. Журналистика. Выпуск № 2. Научный журнал. – Саратов, 2025. Том 25. – С. 204–212.

3. *Халилов Х. М.* Песни горных аулов: Фольклор и литература Дагестана. – М.: Наука, 1988.

4. Хрестоматия по аварской литературе (дореволюционный период). Учебно-методическое пособие. – Махачкала: Издательство АЛЕФ, 2023. – 266 с.

5. *Шахтаманов ГI.-ХI.* МугIалим // Къарал гIор: кучIдул, поэмаби, къисаби / Шахтаманов О.-Г. Учитель // Река Карал: стихотворения, поэмы, повести. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1994. – 496 с. – 568 с.